

Даниил Гранин: я в долгу перед своей войной

Отгремев на полях сражений, война обрела новую жизнь — в литературе. Поэтому в год 50-летия Победы нам показалось уместным спросить мастеров «военной прозы»:

1. Что побудило их писать о войне? 2. Как соотносятся между собой война в жизни и война в литературе?

1. Я пишу о войне, потому что участвовал в ней с первых ее дней до конца 1944 года. На фронте был сперва в народном ополчении, потом воевал в частях, кончил танкистом, командиром танковой роты. Так что это была большая часть моей жизни, не только по времени, но и по переживаниям. К сожалению, я мало писал о войне, моя война гораздо больше зна-

чила в моей жизни. Я в долгу перед своей войной.

2. Соотношение между войной в жизни и войной в литературе очень сложное. Мы надолго задержались на военной теме. Наверное, потому, что разгром фашизма был единственной заслугой Советского Союза перед человечеством. Другое дело, что победа наша, военное торжество в какой-то мере отвечали милитаристскому духу советской империи. Но об этом мы тогда не думали, и в течение многих лет военная тема главенствовала в литературе. Целая библиотека прекрасных книг лучших наших писателей — это книги о войне. Тема привлекала своими возможностями.

В 1943 году Даниил Гранин служил в дивизии народного ополчения.

Через войну можно было рассказать о жизни человека в стране, о тех вещах, что считались запретными, на которых лежало табу. Например, о страшной роли КГБ в жизни народа, о том, что такое политическая пропаганда в облике политруков и комиссаров. Словом, о соотношении между правдой и ложью.

Конечно, и в литературе о войне были свои сложности. Долгое время мы не имели права рассказывать о первом годе войны, связанном с отступлением, с поражением, порой с позорным бегством, то есть о том, что не входило в официозные стереотипы. Мы не могли говорить о наших пленных, которых было 5 миллионов. О страшном,

унизительно несправедливом к ним отношении. Мы были лишены возможности писать об отношении наших командиров к солдатской жизни — она вообще не принималась в расчет. Данные о потерях были строго засекречены, и лишь недавно вышла книга, где сообщалось о потерях на разных фронтах в разные годы войны. Генералы не берегли солдат. И если с этой точки зрения взглянуть на репутацию наших военачальников в разных военных операциях, все эти репутации придется довольно сильно подправить.

Но была еще одна тема, чрезвычайно важная, которая сейчас открылась передо мной, когда я перечитывал «Войну и мир». Казалось бы, сто с лишним лет прошло и пора бы чему-то научиться у этого великого романа. Для нас немцы, солдаты гитлеровской армии, были безусловные враги, оккупанты, фашисты, подлежащие

уничтожению. Почти никогда в литературе мы не задумывались над тем, что немцы тоже люди, ослепленные пропагандой, жертвы фашистской идеологии.

Я не ставлю на одну доску коммунизм и фашизм, но почему я вспомнил о Толстом? Потому что в «Войне и мире» он видит во французах — хотя они были оккупантами, пришли на нашу землю с целью завоевать ее — точно таких же людей, как и русских. Французы для Толстого несчастные люди, жертвы войны, пленники военной идеологии, как и русские солдаты. Толстой относится к французскому солдату с огромным сочувствием. В нашей литературе этого почти нет, за исключением, может быть, такой вещи, как «Сашка» Кондратьева. Но она появилась уже совсем поздно. В этом смысле наша литература не сумела подняться на толстовскую нравственную высоту.